

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 25.

28 ЮЛЯ 1859.

Выходятъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Шпльбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свишнкова.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложениями.
Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

Къ № 25-му прилагаются: романсъ «Я ее не люблю», соч. В. Соколова; «Серенада» Шуберта, въ 4 руби, соч. Вилклера; портретъ А. Е. Мартынова и VI книжка «Собранія театральнаго искусства».

Содержаніе: Заграничныя письма (А. Сѣрова). — Вѣсти отъ всюду. — Любовь агниста (Отто Руппіуса). — Критическія замѣтки (А. Г-ва, окончаніе). — Замѣтка (М. Федорова).

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

III.

Веймаръ. ²⁴/₁₂ іюня 1859.

Печальная вѣсть. — Веймарская слава. — Продолженіе музыкальнаго отчета: «Геновева», опера Шумана, въ Лейпцигѣ.

Сегодняшнее письмо долженъ начать «некрологомъ». Веймаръ оплакиваетъ обожаемую свою Государыню, Великую Княгиню Всероссийскую и Великую Герцогиню Саксен-Веймарскую, Марію Павловну! Кончина ея неожиданно послѣдовала вчера, въ 6 часовъ вечера, въ Бельведерѣ (загородномъ дворцѣ), послѣ весьма краткой простудной болѣзни. Для меня печальное извѣстіе было это тѣмъ поразительнѣе, что за нѣсколько дней, 7 іюня (26 мая), вскорѣ по приѣздѣ изъ Лейпцига въ Веймаръ, я имѣлъ счастье быть представленнымъ Великой Княгинѣ, и Ея Высочество, съ свойственною ей снисходительною и милостивою внимательностію, изволила довольно много говорить со мною о моихъ музыкаль-

№ 25.

ныхъ занятій и планахъ на будущее время, въ томъ числѣ изволила спрашивать и о читанномъ мною теоретическомъ музыкальномъ курсѣ, о которомъ знала по письмамъ изъ Петербурга; изволила также говорить о «Лоэнгрипѣ» (данномъ въ Веймарѣ наканунѣ того дня), — о характерѣ Вагнеровской музыки вообще и, по этому случаю, о превосходномъ, необыкновенно высоко цѣнимомъ Великою Княгинею, капельмейстерствѣ Листа. Каждое слово этой бесѣды, которой не суждено было повториться, — осталось въ моей памяти навсегда. Блистая, какъ отрасль Россійскаго Императорскаго дома, украшая Собою тронъ Веймарскій, Великая Княгиня рѣдкимъ сочувствіемъ ко всему изящному, оборочала поэтовъ и художниковъ, привлекала ихъ къ Веймарскому двору, какъ къ средоточію изящныхъ искусствъ въ Германіи. Еще Шиллеръ вдохновился ею для одного изъ блистательныхъ своихъ стихотвореній: «Die Huldigung der Kunst». Гете былъ ея постояннымъ собесѣдникомъ въ продолженіи болѣе трехъ десятковъ лѣтъ; одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ свѣтѣ виртуозовъ и сочинителей фортепьянной музыки, Гуммель, Великою Княгинею былъ оставленъ при Веймарскомъ дворѣ со званіемъ придворнаго капельмейстера и концертмейстера. Въ позднѣйшее время, то-есть тому десять лѣтъ назадъ, это самое званіе, по желанію Великой Княгини, получилъ Францъ Листъ и конечно такой выборъ гениальнаго музыканта, вмѣстѣ съ Вагнеромъ первѣйшаго въ наше время, увеличивая художественную славу Веймара, свидѣтельствуешь о просвѣщенномъ вкусѣ Великой Княгини, отъ самаго рожденія призванной къ благотворному вліянію на судьбы искусства.

Ограничиваясь для нашего журнала этими немногими намеками на предметы, заслуживающіе пространнаго похвального слова, я не касаюсь вовсе высокихъ достоинствъ въ Божѣ почившей Великой Княгини, какъ правительницы, какъ благодѣтельница вѣрнѣйшаго ей народа. Слезы всѣхъ

Веймарцевъ, искреннія и обильныя, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о важности горькой утраты!

Безъ переходной мысли о философскомъ значеніи смерти, тогда какъ жизнь другихъ со всеѣми ея дѣлами и мелочами, со всеѣмъ дѣльнымъ и бездѣльнымъ, продолжаетъ течъ своимъ порядкомъ, — прямо, безъ модуляціи, обратимся къ нашимъ текущимъ дѣламъ.

Я въ долгу передъ вами еще касательно Лейпцига. После концертныхъ, мессы и музыкальныхъ засѣданій, богатыхъ числомъ и содержаніемъ, празднество могло бы и заключиться, но устроители его отлично-кстати придумали въ послѣдній день празднества, 4 іюня, дать въ лейпцигскомъ театрѣ *единственное театральное* произведеніе основателя лейпцигской музыкальной газеты, Роберта Шумана. Четырехъ-актная опера его, «Геновева» (Genoveva), — начатая въ 1847, въ августѣ 1848 оконченная, до сихъ поръ дана была только въ Лейпцигѣ — трижды (25, 28, 30 іюня 1850 г.) и нѣсколько разъ въ Веймарѣ (въ первый разъ, подъ управленіемъ Листа, 9 апрѣля 1855, въ день рожденія Великой Книгини). Ни въ Лейпцигѣ, ни въ Веймарѣ однако эта опера, при всеѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, удержаться въ репертуарѣ не могла. Причины будутъ для васъ ясны изъ отчета, который постараюсь дать вамъ о характерѣ этого произведенія, и со стороны музыки, и со стороны текста.

Довольно извѣстна средневѣковая легенда о Женевьевѣ брабантской, молодой герцогинѣ красавицѣ, оклеветанной передъ мужемъ въ нарушеніи супружеской вѣрности въ отсутствіе его, оклеветанной по проискамъ челядинцевъ съ адски-удачною хитростью, потомъ, по приговору мужа, осужденной на смертную казнь, но избавившейся отъ смерти чуднымъ случаемъ и чрезъ семилѣтнія, невыразимо-тяжкія страданія, при совершенной непорочности и безропотной вѣрѣ въ промыслъ и покорности судьбѣ, стяжавшей себѣ мученичeskій вѣнецъ (Женевьева, въ западной церкви, причислена къ лику святыхъ).

Эта легенда, въ главныхъ чертахъ своихъ, послужила сюжетомъ для превосходной трагедіи Фридриха Геббеля (Hebbel), изданной еще въ 1843 г. (Я прочиталъ эту сильную, энергическую трагедію, съ необыкновеннымъ наслажденіемъ, собственно для сличенія ея съ оперой.)

Трагедія Геббеля, которую Шуманъ узналъ только въ 1847 г., плѣнила композитора какъ задача для оперы именно въ такомъ родѣ, котораго онъ жаждалъ уже нѣсколько лѣтъ. (Въ бумагахъ его найдены 23 проекта разныхъ оперныхъ сюжетовъ, изъ которыхъ онъ не однимъ ни воспользовался.)

Но въ сотрудники себѣ, т. е. въ либретисты, Шуманъ не нашелъ достаточно талантливаго литератора. Нѣкто Рейникъ (Reinick) изъ Дрездена обработалъ для Шумана текстъ его оперы, но нашелъ нужнымъ во многомъ отстунить отъ Геббелева плана, подмѣшавъ туда нѣкоторыя сцены изъ драмы Тика на тотъ же сюжетъ, и всеѣмъ этимъ рѣшительно испортилъ дѣло и трагическую основу текста. Либрето вышло и неинтересно, и плоско, и слабо, и вообще—весьма-плохо.

Удивительно становится даже, какъ Шуманъ, артистъ столько просвѣщенный по литературѣ, самъ литераторъ, могъ не видѣть столько разныхъ недостатковъ этого текста, какъ могъ допустить такое искаженіе трагедіи, вдохновившей его!

Въ дѣятельности композиторовъ частенько встрѣчаются подобныя необъяснимыя явленія!

Разумѣется, что многія главныя сцены, также какъ и главные характеры, главные пружины дѣйствія, остались и въ либрето, но что придаетъ ему непростительную слабость, — это поворотъ цѣлаго къ *счастливой* развязкѣ!

У Геббеля палачъ, изъ челядинцевъ герцога, поего приказанію заводитъ Геновеву въ непроходимую дѣбрь, чтобы тамъ отрубить ей голову. Въместѣ съ палачами провожаетъ несчастную герцогиню (съ груднымъ младенцемъ на рукахъ!) — безумный, родъ юродиваго. Челядинцы, которымъ должность палача все-таки довольно омерзительна, сваливаютъ ее на этого безумца, давъ мечъ ему въ руки и приказывая рубить голову Геновевѣ. Юродивый этого не исполняетъ, а убиваетъ того изъ челядинцевъ, который далъ ему мечъ, и съ мечемъ убѣгаетъ. Чудомъ спасенная Геновева уходитъ съ младенцемъ въ глубину дѣбри.—Страстно-влюбленный въ герцогиню рыцарь Голо (Golo), довѣренное лицо герцога и главное орудіе клеветы (терзаніями тюрьмы онъ, по наущенію одной старухи колдуньи, думалъ заставить Геновеву уступитъ своей страсти), — потомъ и самъ герцогъ, возвратившійся изъ похода, считаютъ Геновеву погибшею подъ мечемъ, такъ какъ палачъ, оставшійся въ живыхъ, для оправданія своего показывается окровавленный мечъ (отнятый имъ у безумца) и косу Геновевы, которую онъ отрубилъ еще прежде. Голо, не признавшись герцогу въ клеветѣ, самъ себя наказываетъ жестокимъ истязаніемъ и потомъ смертію.

Глубокій трагизмъ у Геббеля проведенъ очень-органически чрезъ всю драму.

Въ оперѣ — колдунья Маргарита еще *во-время* открыла герцогу все злодѣйство;—герцогъ съ толпою вассаловъ (для хора!) епѣшнѣ въ лѣсъ и *поспѣваетъ* къ Геновевѣ *въ ту самую минуту*, когда палачи занесли надъ ней мечъ!? Разумѣется,—затѣмъ прощеніе, лобзанія, общее счастье и ликование!—оперный финалъ съ веселымъ заключительнымъ хоромъ!

Такая развязка напомнила мнѣ какъ нельзя ближе оперу князя Шаховскаго и Кавоса «Иванъ Сусанинъ», гдѣ какой-то бояринъ, съ отрядомъ Русскихъ, *поспѣваетъ* въ глушь лѣсную *въ ту самую минуту*, когда Поляки собирались убить Сусанина. Въместо того, чтобы пожертвовать жизнью за своего царя,—въ чемъ, какъ извѣстно, *вся сущность сюжета*, Сусанинъ подходитъ къ рампѣ и поетъ паидательный куплетъ:

Пусть злодѣи страшится
И дрожить весь вѣкъ!
Долженъ веселиться
Добрый человекъ!

Наивность, которую можно отчасти простить русской «оперѣ-водевилю», сочиненной съ полстолѣтія назадъ, трудненько мирится съ дѣятельностью образованнѣйшаго нѣмецкаго музыканта и критика—въ 1848 году!

Главный недостатокъ музыки въ этой оперѣ тотъ же самый, какъ въ поворотѣ текста, т. е. и музыкѣ недостаетъ одного главнаго, резулътатнаго настроенія. Подробности, мѣстами, есть превосходныя (хотя и здѣсь, какъ въ симфоническихъ сочиненіяхъ, Шуманъ *одноцѣлтенъ*, не довольно колоритенъ, особенно для театра!); есть и юморъ, въ хорахъ челядинцевъ; есть и фантастическій элементъ—въ сценахъ колдуньи (магическое зеркало, въ которомъ колдунья трагедіи—*можно* показываетъ преступленіе Геновевы ея мужу, въ оперѣ передѣлапо въ живыя картины, которыя, особенно при плохой постановкѣ, только смѣшать!); есть много энергиче-

саго, много сплетеній мастерскихъ контрапунктныхъ въ голосахъ и въ оркестрѣ:— иначе можно ли ожидать отъ *такого* компониста, какъ Шуманъ!— есть, наконецъ, много и силы, и страстности въ драматизмѣ; но все это отрывочно и нѣстоящимъ, вполнѣ драматическимъ духомъ не проникнуто. Прослушавъ оперу, вы невольно скажете: «Нѣтъ, этотъ даровитый музыкантъ призванія къ оперѣ не имѣлъ».

При неудачномъ даже расположеніи текста все-таки остались сцены, гдѣ для музыки— широкое раздолье. Хоть бы сцена *прощанья* Геновевы съ мужемъ, когда онъ отправляется на войну (конецъ 1-го акта). Сколько тутъ могло бы быть теплоты, женской нѣжности, женственности, контрастовъ съ героизмомъ Зигфрида! Въ трагедіи это прощанье напоминаетъ Гектора и Андромаху; у Шумана вышло— слабо. Удивительно, что онъ даже не воспользовался трубными *призывами* на войну, продиктованными ему въ текстѣ!

Либрето почти совсѣмъ отняло у Геновевы «святость» ея характера. Она въ текстѣ оперы является весьма обыкновенной женщиной; тѣмъ болѣе надобно было музыканту *высказать* ея характеръ;— это опять Шуману не удалось, хотя обѣ «молитвы» Геновевы (одна въ спальнѣ, другая въ лѣсу) изобилуютъ отличными достоинствами музыкальными.

Слушая оперу Шумана, я все время мысленно сравнивалъ ее съ Вагнеровыми. Боже! какая разниа, безконечная разниа! Если «Геновева» не завоевала себѣ мѣстечка постоянного на нѣмецкихъ оперныхъ сценахъ десять лѣтъ назадъ, то теперь этого уже *никогда* не случится, потому что Шуманова опера совершенно раздавлена такими произведеніями, какъ Тангейзеръ и Лоэнгринъ. Передъ Вагнеровыми *могучими* созданіями «Геновева» имѣетъ видъ ребяческой попытки.

И какъ-будто нарочно для моей повѣрки критической, *на другой же день* послѣ «Геновевы» въ Лейпцигѣ,— въ Веймарѣ давали «Лоэнгринъ» и я, не слышавъ еще этой оперы въ прошломъ году, разумѣется, съ утра 5 июня поспѣшилъ въ Веймаръ.

Отчетъ о «Лоэнгринѣ» вы мнѣ позволите отложить до слѣдующаго письма.

А. СЪРОВЪ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Письмо изъ Полтавы. — Опера въ Митавѣ. — Вѣсти изъ Парижа. — Бенефисъ въ пользу итальянскихъ волонтеровъ. — Празднованіе дня рожденія Корнелия. — Банкетъ Общества драматическихъ артистовъ. — А. М. Гезеоповъ. — Наши французскіе артисты. — Мейерберъ и либреттистъ. — Спектакль въ Миланѣ и Туринѣ. — Баденъ. — Извѣстіе изъ Вены. — Соперница Ольриджа.

31 мая освящена въ Полтавѣ ново-выстроенная католическая церковь съ большимъ торжествомъ. Къ этому празднику многіе полтавскіе любители устроили концертъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ торжествѣ нашъ полтавскій корреспондентъ: «Въ день освященія новой католической церкви наши любители, въ числѣ 16 человекъ, изъ которыхъ было 7 женскихъ голосовъ и 9 мужскихъ, исполнили слѣдующія произведенія церковной музыки:

- 1) Alissa Solemniter, A-mol, Риттера фонъ-Зейфрида.
- 2) Responsorium, Andante, Страделлы.
- 3) Offertorium Благана.
- 4) Te Deum laudamus, D-dur, Витассека.

Оркестромъ управляетъ г. Едличко. Безполезно распространяться о прекрасномъ исполненіи торжественной религіозной музыки; прибавимъ только, что изъ отлично подобран-

ныхъ голосовъ и прекрасно составленнаго оркестра особенно произвели впечатлѣніе чудно-обработаный голосъ г-жи Едличко и пѣвучіе звуки виолончели г. Гордиискаго. Эти же два любителя отягчили въ концертѣ, данномъ въ пользу полтавскихъ бѣдныхъ, имѣвшемъ блистательный успѣхъ; считаю не лишнимъ упомянуть имя г-жи Поповой, прекрасной пѣвицы-любительницы. Вообще музыкальная дѣятельность въ Полтавѣ быстро распространяется. Наши любители предполагаютъ основать зимой музыкальный клубъ. Главная цѣль его будетъ соединять въ одинъ кружокъ всѣхъ любителей музыки здѣшняго города и его окрестностей, познакомить многихъ изъ нихъ съ произведеніями классической музыки, поощрять молодые таланты и доставить публикѣ пріятное препровожденіе времени за самую умеренную плату.

Въ Митавѣ, несмотря на сильныя жары, опера идетъ довольно аккуратно. Правда, зало не бываетъ полно, по все же находятся меломаны, слушающіе съ удовольствіемъ *Трубадура*, *Велизарія*, *Ино*. Въ скоромъ времени общаются *Вампира*, *Цыганку* и *Сильвану*. Послѣдняя опера, извѣстная какъ первое лирическое произведеніе безсмертнаго творца *Фрейшюца*, *Оберона*, *Эврианты*, пойдетъ въ бенефисъ тамошняго капельмейстера Отта. Изъ пѣвцовъ самые лучшіе фрейлейнъ Эльбе и г. Филиппи. Изъ концертистовъ посѣтилъ Митаву только скрипачъ г. Матусекъ, по концертъ его отличился почти совершеннымъ отсутствіемъ слушателей.

Недавно въ Парижѣ было великолѣпное представленіе на сценѣ Италіанской Оперы въ пользу италіанскихъ волонтеровъ. Программа этого вечера была самая разнообразная; въ составъ ея вошли комедія, трагедія, танцы, пѣніе и проч. Спектакль начался веселой комедіей Спродена и Банвиля: *le Beau Léandre*. Потомъ, послѣ вѣчно юной и прекрасной увертюры изъ *Сороки-воровки*, передъ зрителями предстала Ристори въ костюмѣ Юдифи (въ этотъ вечеръ были сыграны два послѣдніе акта этой трагедіи). Послѣ трагедіи послѣдовало нѣсколько пумеровъ пѣнія; Альбони, возвратившаяся изъ Гавра, пропѣла двѣ арии; потомъ явилась воздушная Феррарисъ и протанцовала свое любимое на изъ балета *Марко Спада* подъ громомъ рукоплесканій, заглашавшихъ оркестръ. Въ заключеніе пѣвцы, Бонпеге въ костюмѣ зуава и Корси въ костюмѣ италіанскаго *bersegliere*, каждый съ знаменемъ своей страны, пропѣли извѣстный гимнъ Риттера: *Пробужденіе Италіи*, съ хоромъ. Трудно описать энтузіазмъ, овладѣвшій зрителями, болшею частію состоявшими изъ Италіанцевъ; многіе изъ нихъ рыдали какъ дѣти, вспоминая о своей родинѣ. Спектакль этотъ доставилъ большой сборъ италіанскимъ волонтерамъ.

На прошлой недѣлѣ Французскій Театръ праздновалъ въ 253 разъ день рожденія Корнелия. Давали *Поліевкта* и *Ажеца*. Между двумя пѣсами г. Мобанъ продекламировалъ новую оду Мери: *Magenta*, а потомъ г. Бовалле стихи въ честь Корнелия. Возобновлена «Свадьба Фигаро», въ которой главныя роли занимали: графа Альмаввы—Брессанъ, графиня—Маделена Бротапъ, Сусанна—Огюстина Бротапъ. Но ни Брессанъ, ни Маделена Бротапъ не имѣли большаго успѣха; эти роли не подходятъ къ характеру ихъ игры и остроумная комедія Бомарше прошла довольно вяло, несмотря на то, что Огюстина Бротапъ неподражаема въ роли Сусанны.

Прочіе театры Парижа не представили ничего замѣчательнаго. Драму, какъ «*Pierre Lenoir, ou les chauffeurs*», гг. Дино и Евгения Сю, пройдемъ молчаніемъ: она по своему изпошенному сюжету и неправдобію не заслуживаетъ вниманія.

Въ честь побѣды, одержанныхъ французскими войсками въ Италіи, было великолѣпное празднество въ Pré Catelan, съ иллюминаціей, фейерверками и двумя оркестрами музыки.

Общество драматическихъ артистовъ устраиваетъ ежегодно два банкета: одинъ въ память рожденія Мольера, другой въ день рожденія барона Тейлора, основателя и главнаго президента этого общества. Банкетъ 1859 г. въ день рожденія Мольера праздновался въ залахъ Везура подъ председательствомъ барона Тейлора; гостей собралось до 136 человекъ.

Баронъ Тейлоръ сидѣлъ на главномъ мѣстѣ; по правую его руку находился бывший директоръ с. петербургскихъ Императорскихъ театровъ Гедеоновъ и г. Сансонъ, общникъ Французской Комедіи, по лѣвую—г. Шарль Батайлъ, первый вице-президентъ Общества драматическихъ артистовъ, и гг. Анисе Буржуа и Декурсель; затѣмъ слѣдовали нѣкоторые директора театровъ. Баронъ Тейлоръ провозгласилъ первый тостъ въ честь Мольера, потомъ въ блестящей рѣчи онъ исчислилъ всѣ услуги, оказанныя А. М. Гедеонымъ драматическимъ французскимъ артистамъ; все общество поднялось и привѣтствовало нашего соотечественника трехкратнымъ залпомъ рукоплесканій.

Еще недавно секретарь этого общества Пьерронъ передалъ одинъ великодушный поступокъ А. М. Гедеонова. Узнавъ, что одна артистка, принадлежавшая когда-то къ французской труппѣ въ С. Петербургѣ, находится въ крайней бѣдности, А. М. Гедеоновъ снабдилъ ее всѣмъ необходимымъ и выкупилъ изъ Mont de-Piété всѣ вещи, заложенныя бѣдной актрисой. Кроме того г. Гедеоновъ пожертвовалъ въ пользу Общества 200 франковъ.

Французскіе артисты Михайловскаго Театра прислали чрезъ г. Лемениа сумму въ 1,264 фр., назначенную также въ пользу Общества драматическихъ артистовъ. Невилль и Феде пожертвовали 25 фр., г-жа Поль-Эрнестъ 26 фр., г-жи Лемениль и Роже-Солье—каждая по 30 фр., Пешена 32 фр., Тетаръ и Леонъ 38 фр., Мондидье и Поль Бондуа 40 фр., Алиса Терикъ и Лемениль 50 фр., Варле 52 фр., Пейсаръ 54 фр., Дешапъ 56 фр., Верне 68 фр., Дюссеръ 90 фр., г-жи Напталъ-Арпо, Л. Мейеръ, Мпла и Мальвина—каждая по 100 фр., Перро 120 фр.

Члены этого общества, Ристори и Тамберликъ, пожертвовали передъ отъѣздомъ по 500 фр.

Ежегодный балъ, устраиваемый въ пользу этого общества въ Комической Оперѣ, собралъ сумму въ 25,000 фр. Въ этомъ пожертвованіи приняли также участіе наши французскіе артисты.

Г. де-Лозьеръ (Альдино-Альдини) перевелъ на италіанскій языкъ оперу Мейербера: le Pardon de Ploegmel, для Ковентгарденскаго Театра. Г. де-Лозьеръ,—корреспондентъ одной неанонимской газеты, и вотъ что, между прочимъ, пишетъ этотъ либреттистъ о знаменитомъ маэстро:

«Г. Мейерберъ съ необыкновенною тщательностью и аккуратностью оканчиваетъ свои произведенія и отдаетъ ихъ на судъ публики, только когда нечего болѣе исправлять и прибавлять. Онъ необыкновенно учитивъ съ сотрудниками, поэтами, переводчиками, музыкантами и всѣми артистами, участвующими въ его операхъ. Онъ дѣлается amabile, gentil, urbanissimo, но должно исполнять все, что онъ хочетъ. Еслибъ я былъ уголовнымъ судьей и мнѣ пришлось судить злодѣя, я бы приговорилъ его къ тюремному заточенію, но еслибъ преступленіе было еще важнѣе, я бы осудилъ его

переводить передъ глазами композитора либрето какой-нибудь оперы Мейербера».

Одинъ изъ корреспондентовъ газеты Рауз описываетъ слѣдующимъ образомъ представленіе на миланскомъ театрѣ *Ла Скала*, данное въ честь императора Наполеона и короля Виктора Эммануила послѣ побѣды при Маджентѣ.

«Залъ, великолѣпно иллюминированный, представлялъ волшебный видъ: шесть ярусовъ ложъ были наполнены дамами въ роскошныхъ нарядахъ, партеръ блестѣлъ мундирами. Директоръ, не имѣя полной труппы, составилъ родъ концерта съ танцами; между прочимъ исполнено прекрасное тріо изъ *Ломбардцевъ*».

«Едва опустили занавѣсъ, какъ всѣ зрители обратились къ императорской ложѣ и привѣтствовали ихъ величества громкими восклицаніями. Дамы махали платками и бросали букеты съ крикомъ: Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императрица! да здравствуетъ императорскій принцъ! да здравствуетъ король Эммануиль!»

Вотъ что пишутъ объ одномъ спектаклѣ въ Туринѣ: Недавно давали на театрѣ Скриба въ Туринѣ довольно курьезную піесу. Она называется: *Война или миръ!*

Король Пиемонта является въ ней подъ именемъ капитана Виктора, сосѣда молоденькой m-me Ломбарди, питомицы пѣткой m-me Карасе (Австріи). Францію олицетворяетъ сильный молодой человекъ, а Англію беззубый милордъ, безпрестанно справляющійся съ записной книжкой и говорящій только: Oh, yes! на всѣ возможные тоны. Замѣчательно, что актеръ: представляющій капитана Виктора, совершенная копія короля. Успѣхъ піесы необыкновенный; она оканчивается бракомъ m-me Ломбарди съ капитаномъ Викторомъ, у котораго свидѣтелемъ Французъ. M-me Карасе дѣлается опасно больна и милордъ не посылаетъ узнать о ея болѣзни.

Въ Вѣнѣ умеръ на-дняхъ соперникъ Эрара и Плейеля, Игнатій Безендорферъ, который фабрикаціей своихъ фортепіанъ достигъ европейской извѣстности. Онъ былъ сынъ простаго эбенниста и только случайно не послѣдовалъ ремеслу своего отца. Въ 1828 г. онъ основалъ первую свою фабрику, а въ 1839 и 1845 г. получилъ на выставкѣ промышленности въ Вѣнѣ золотую медаль. Безендорферъ первый сдѣлалъ фортепіано доступнымъ всѣмъ семействамъ.

Въ Филадельфіи выступила на сцену Негритянка, которая, какъ увѣряютъ тамошнія газеты, можетъ сдѣлаться достойной соперницей Ольриджа. Такъ какъ для нея не написано еще негритянской роли, то она принуждена сильно бѣлиться, чтобъ не показаться слишкомъ странной Офеліей или Юліей; публика Филадельфіи съ трудомъ привыкаетъ къ ея наружности, несмотря на талантъ исполнительницы.

Знаменитый артистъ нашъ А. Е. Мартыновъ, портретъ котораго прилагается при настоящемъ № «Вѣстника», возвратился недавно изъ-за границы, гдѣ ему, какъ говойать, удалось поправить нѣсколько свое разстроенное здоровье.

Также возвратилась изъ отпуска и г-жа Липская.

ЛЮБОВЬ АРТИСТА.

Это было въ 1831 г. Въ богатоубранной гостиной одного бо-льшаго дома въ Вѣнѣ, на штофномъ диванѣ сидѣли двое дѣтей; по крайней мѣрѣ ихъ можно было назвать дѣтьми,

взглянувъ на ихъ свѣжія личики, на которыхъ еще никогда не отражалась никакая нечистая мысль, и большіе глаза весело и беззаботно смотрѣли на свѣтъ Божій. Молодому человѣку было около семнадцати лѣтъ; его высокій лобъ изобличалъ гения; черные глаза сверкали радостью; онъ велъ оживленный разговоръ съ молодой дѣвушкой, сидѣвшей подлѣ него. Ей было не болѣе пятнадцати лѣтъ. Положивъ руку на плечо своего собесѣдника, она не сводила съ него глазъ, боясь проронить хотя одно слово.

Тихо отворилась дверь и въ комнату вошелъ высокій мужчина, но дѣти, въ пылу восторга, не замѣтили его прихода, и только когда новоприбывшій взялъ за руку юношу, тотъ быстро вскочилъ и яркій румянецъ разлился по его лицу.

— Оставь насъ на минуту, милое дитя, сказалъ вошедшій молодой дѣвушкѣ, также смущенной его неожиданнымъ приходомъ, и когда та, бросивъ боязливый взглядъ на обоихъ мужчинъ, вышла изъ комнаты, незнакомецъ снова указалъ юношѣ мѣсто на софѣ.

— Сколько вамъ лѣтъ, Вильгельмъ? началъ онъ, садясь подлѣ молодаго человѣка.

— Семнадцать!... былъ едва слышный отвѣтъ.

— А знаете ли вы, сколько вамъ остается еще чтобъ достигъ до такой степени артистическаго искусства, которая доставляетъ славу и уваженіе человѣку, посвятившему свою жизнь музыкѣ. Вы одарены необыкновеннымъ талантомъ, Вильгельмъ, и я всегда съ удовольствіемъ принималъ васъ въ своемъ домѣ и молча смотрѣлъ на возникающую вашу склонность къ моей дочери, потому что я ставлю гения наравнѣ съ высокимъ происхожденіемъ и знаю вашу чистую, благородную душу. Но куда поведетъ васъ эта любовь? Природа щедро одарила васъ всѣмъ, что необходимо человѣку, которому я съ радостью готовъ отдать свою дочь, но теперь вы еще ничто, Вильгельмъ. Поѣзжайте, трудитесь, изучайте, употребите съ пользою годы ученія, сдѣлайтесь художникомъ, который силой гения можетъ стать наряду съ каждымъ вельможей, достигните славы и тогда возвращайтесь къ намъ, если ваша юношеская склонность не исчезнетъ. Семейство мое приметъ васъ какъ роднаго и я общаю съ своей стороны не принуждать дочь мою къ другому союзу. Нравится ли вамъ мой планъ? Хотите ли вы его исполнить?

Молодой человѣкъ поднялъ голову и чудный огонь засверкалъ въ его глазахъ. Съ глубокимъ чувствомъ пожалъ онъ протянутую ему руку.

— Хочу его исполнить и благодарю васъ отъ всей души, сказалъ онъ; голосъ его дрожалъ, несмотря на то, что въ немъ слышалась твердая рѣшимость.

— Хорошо! Въ такомъ случаѣ уѣзжайте отсюда завтра. Какъ я радъ, что вы успѣли воспользоваться уроками нашей консерваторіи; это принесетъ вамъ большую пользу.

— Завтра рано утромъ я уѣду въ Парижъ;—я уже давно намѣревался предпринять эту поѣздку, но вы позволите мнѣ проститься съ...

— Приходите сегодня вечеромъ къ намъ, когда окончите свои приготовленія къ отъѣзду; мы будемъ васъ ждать.

Прошло семь лѣтъ. Не только Парижъ, но и вся просвѣщенная Европа знала имя молодаго скрипача-виртуоза, котораго даже самъ Наполеонъ почтилъ особеннымъ вниманіемъ. Прошло семь лѣтъ, назначенное время, впродолженіи котораго онъ

долженъ былъ сдѣлаться достойнымъ предмета своей юношеской любви и доказать свое постоянство. Ни одной строкой не смѣлъ онъ обмѣняться съ той, которой посвятилъ свои лучшія первыя музыкальныя произведенія и при воспоминаніи о которой каждая мысль казалась ему не довольно возвышенной и прекрасной. Иногда получалъ онъ черезъ другихъ поклонъ, или извѣстіе, а отъ себя носылалъ онъ только отзывы объ своихъ успѣхахъ, напечатанные въ разныхъ газетахъ. И онъ сдѣлался достоинъ любви своей молодой невѣсты и любовь его становилась все сильнѣе и крѣпче...

За два дня до истеченія семилѣтняго испытанія юный артистъ приготовился къ отъѣзду, такъ чтобъ пріѣхать въ Вѣпу ни однимъ часомъ не раньше времени, назначеннаго отцомъ его невѣсты. Онъ ѣхалъ съ экстра-почтой день и ночь и въ сумеркахъ на второй день достигъ наконецъ Вѣны. Едва успѣвъ переменить дорожное платье, бросился онъ, полный ожиданій, къ дому, гдѣ заключалось все его счастье.

Ворота были растворены, но внутри все было мрачно и тихо. Какое-то болѣзненное чувство, какъ бы предчувствіе страшнаго несчастья, овладѣло имъ. Онъ взбѣжалъ по хорошо знакомой лѣстницѣ и остановился какъ вкопанный; страшный крикъ вырвался изъ груди, глаза покрылись туманомъ и онъ безъ чувствъ упалъ на полъ.

Посреди комнаты стоялъ окруженный свѣчами открытый гробъ и въ немъ осыпанная цвѣтами лежала та, для которой онъ трудился, работалъ и ждалъ. Одного взгляда было ему достаточно, чтобъ удостовѣриться, что жизнь покинула это прекрасное тѣло; чудный цвѣтокъ увялъ навсегда!

Ее похоронили, а онъ не проводилъ ее въ послѣднее жилище; нервическая горячка едва не привела его самого на край могилы, и казалось, что умершей невѣстѣ не долго придется ожидать своего жениха. Но крѣпкая натура одержала верхъ. Два мѣсяца спустя онъ въ первый разъ вышелъ на воздухъ совершенно переродившимся человѣкомъ. Въ глазахъ его было невыразимо грустное выраженіе онъ, казалось жилъ въ какомъ-то заоблачномъ мірѣ. Единственнымъ другомъ и утѣшителемъ осталась его скрипка; когда съ наступленіемъ ночи въ городѣ водворялась тишина, невыразимо печальные звуки лились въ воздухъ. Онъ написалъ грустную пѣсню о своей погибшей любви, ту чудную элегію, производящую такое чарующее впечатлѣніе на сердце каждаго, элегію, извѣстную всему образованному міру; авторъ же ся, о которомъ мы рассказывали, знаменитый скрипачъ—Генрихъ Вильгельмъ Эрнстъ!

ОТТО РУППІУСЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Дикобразъ» (провинціальныя сцены), комедія г. Иванова (Библиот. для чтен. книжка 4).

(Окончаніе.)

Горитскій, не получая денегъ съ Ушакова за службу при театрѣ и будучи въ совершенной крайности, жалуется генералу, управляющему губерніею, оставивъ его на улицѣ.

Горитскій (*кидаясь въ ноги генералу*). Помощникъ и покровитель!

Генералъ. Что ты за человѣкъ?

Горитскій. Отставной коллежскій секретарь Горитскій, ваше превосходительство. Служилъ я въ здѣшнемъ Губернскомъ Правленіи столопочальникомъ...

Генераль. Въ какомъ ты видѣ?.. ты пьешь?..

Горитскій. Ушаковъ жалованья не платить...

Генераль. Кто такой Ушаковъ?

Горитскій. Содержатель здѣшняго театра; я у него служилъ, ваше...

Генераль. Чтожь ты ко мнѣ лѣзешь,—на это должна быть полиція.

Горитскій. Меня никто не послушаетъ...

Генераль. Пошолъ же прочь...

Горитскій. Всѣ меня отвергли... взять мнѣ пегдѣ... своего не даютъ... *(въ отчаяньи)* милостынку, Христа ради!..

Генераль *(строго)*. Что? Я хочу истребить въ городѣ всѣхъ нищихъ?—Я ужь сдѣлалъ объ этомъ свое распоряженіе. Я хочу, чтобы у меня по міру не собирали, чтобы по улицамъ не шатался никто за милостыней. Такъ и будетъ. Съ простолюдиновъ стануть взыскивать, а... у насъ бѣдныхъ чиновниковъ быть не должно... Почему ты не служишь?

Горитскій *(оторопѣвъ)*. По навѣтамъ секретаря...

Генераль. Не можетъ быть.

Горитскій. Потомъ, ваше превосходительство, изволили надъ женой надъ моей сжалиться—послали меня въ г. Вознесенскъ, для опредѣленія себя въ службу...

Генераль. Я не помню.

Горитскій. А тамъ не приняли-съ...

Генераль. Ну, такъ надобно дожидаться вакансій, а по міру не собирать.

Горитскій. Къ вашему превосходительству, яко къ Богу...

Генераль. Ну, мнѣ все равно,—у меня васъ много, вдругъ всѣхъ удовлетворить нельзя. Если же опять увижу, или узнаю, что ты собираешь,—смотри! *(уходитъ)*.

Горитскій *(нѣсколько помолчавъ, въ слѣдъ генералу)*. Извергъ ты, а не генераль! Богъ сотворилъ міръ изъ ничего, такъ ты менѣе нежели ничего! Создалъ Богъ человѣка, а не генерала... Слышишь, государь мой?... Ты будь па тронѣ человѣкъ,—а ты кто? антихристъ ты!

Послѣ этой неудачной просьбы, Горитскій встрѣчается съ Супербицкимъ, который приглашаетъ его выпить. Послѣ Горитскій, нѣсколько пьяный уже, появляется въ театрѣ въ генеральской ложѣ. Здѣсь онъ рѣшается ободрать бархатную драпировку.

Горитскій *(показываясь въ генеральской ложѣ)*. А кто у нищаго отнимаетъ его послѣднюю овцу, тотъ подлець и разбойникъ!... Жалуйся! что жъ ты пожалуешься? Ну посадятъ меня въ часть, послику мы все равно, что какіе-нибудь халуи,—такъ насъ почитаютъ. Намъ нигдѣ больше и мѣста нѣтъ, кромѣ части. Кому часть, а намъ домъ. А зачѣмъ мы люди бѣдные?—quoniam? cur? Вотъ въ этомъ случаѣ и виноваты мы. Recte. *(Смотритъ на генеральскую ложу)*. Ишь ты, какъ разукрасили... занавѣсы какіе; говорятъ, одного бархату на 30 рублей пошло. На эту сумму я бы со всѣмъ моимъ любезнымъ семействомъ цѣлые бы полгода прожилъ. Вотъ бы одолжить подлеца: занавѣски-то всѣ бы спустить у него... хоть бы къ здѣшнему Елизару Матвѣичу... опъ же здѣсь никогда не бываетъ. Тогда бы и намъ хорошо и вамъ хорошо; съ самимъ генераломъ, дескать, въ контру вошелъ; послику у мепя онъ все отпаялъ, такъ подай сдачи! comprehende! А меня бы... маленькаго человѣка... зачѣмъ я маленькой человѣкъ, а взялся за большое дѣло, подъ красную шапку... miles,

miletis... А мнѣ было бы тогда не худо. Коринтъ бы стали, да и все платье готовое... За малое воровство у насъ бьютъ, а за большое полагается казенное содержаніе... Тогда бы моея женѣ и бросить-то бы меня достойно и праведно есть... согрѣшихомъ-бо, беззаконовахомъ, неправдовахомъ предъ Тобою! Ты думаешь, что кругомъ заперъ меня? что не будетъ мнѣ и выходу... falsum est! я пролѣзу и черезъ люкъ, въ потасную скважину. Вонъ, въ городѣ ходитъ какое страшное воровство, говоритъ Супербицкій. Прокофій Николаевичъ Громовъ тоже говоритъ:—не проси, говорить, не унижайся... И генераль тоже по міру собирать не велѣлъ! А сказапо—не укради!... Хоть бы ужь не выдалъ, какъ мои любезные маются... не говоря уже о чемъ о другомъ... ни того, ни чего... ниже черпаго хлѣба,—хоть бы одинъ денекъ потрапезовали... да ужь и того... Голодно и холодно... цѣлыхъ два мѣсяца... *(пауза)*. Сирѣчь, претерпѣвый до конца, спасется... *(Ожесточалсь)*. Такъ пошли же конецъ долготерпѣнію моему; я человѣкъ, а ты Богъ,—сотвори чудо! насыть и обогрѣй—сжался надъ нашею грѣшною плотью... Самъ Ты сказалъ, что опа... немощна!... Ты помози... а то... не укради!... *(встаетъ въ какомъ-то оцпененіи, потомъ вдругъ обрываетъ съ ложи драпировку и бѣжитъ оонъ)*.

Квартальный надзиратель изображенъ въ одной небольшой сценѣ чрезвычайно предствительно.

Квартальный *(Горитскому)*. Молчать, мошенникъ!

Горитскій. И ругаться тоже не смѣешь... кто съ голоду умираеть, кому своего не даютъ, — такъ что бы онъ ни укралъ... не мошенникъ тотъ... и ты... да и самъ-то вашъ генераль... тоже бы сдѣлали оба вы, бывшп на моемъ мѣстѣ.

Квартальный *(схватывая Горитскаго за воротъ)*. Да это въ нѣкоторомъ отношеніи чистое богохульство! Ты объ комъ говоришь?—вспомни, мошенникъ... объ особѣ ихъ превосходительства говоришь?... лобъ тебѣ, мошеннику, лобъ!

Горитскій. Очень проворно. Велите прежде Ушакову меня паковать, а потомъ и брейте наши лы... Есть у насъ на свѣтѣ бѣлой царь...

Квартальный *(въ полномъ испугѣ)*. Молчать!... еще имя земнаго Бога... въ кандалы посажу!... будетъ Его Императорское Величество такими дѣлами заниматься. Мы своимъ судомъ все исправимъ. Мошенникъ!

Въ послѣдней сценѣ, когда генераль припимаетъ у себя просителей, много комизма. Заключительное же явленіе, когда приводятъ Горитскаго, обличеннаго въ воровствѣ, выражаетъ мысль автора о положеніи чиновниковъ и обличаетъ несообразное съ цѣлью выполненіе этой мысли въ дѣйствительности.

Горитскій. Казни меня, виновать, но не каюсь.

Генераль. Я распоряжусь съ тобой; *(полиціимейстеру)* въ острогъ его!

Горитскій. Хоть распни, да пощади семью мою. Кусокъ хлѣба кипъ ты имъ, яко псамъ.

Дежурный *(входитъ, генералу)*. Конфиденціальное письмо вашему превосходительству въ собственныя руки.

Генераль. Съ петербургской почты?

Дежурный. Съ петербургской почты-съ.

Генераль *(про-себя)*. Должно быть о паградѣ *(торопливо распечатываетъ письмо и, отойдя къ окну, про-себя читаетъ)*.

Въ письмѣ этомъ одна преданная особа изъ Петербурга пишетъ между прочимъ:

«Я самъ лично былъ свидѣтелемъ одного разговора г. Д. съ

г. М., и сколько могъ понять своимъ слабымъ умомъ ихъ взглядъ на этотъ предметъ, то они понимаютъ такъ, что несчастный классъ этотъ составляетъ пролетариатъ Россіи и долженъ быть поднимаемъ и исправляемъ нравственно, но не преслѣдуемъ съ тою строгостью, которою руководствовались доселѣ начальники, и что собственно ваше превосходительство, очищая будто бы съ одной стороны вѣренное вашему управленію вѣдомство, вмѣстѣ съ тѣмъ окружили себя недостойными людьми, которыми во всемъ довѣряетесь, и что вообще третируете своихъ чиновниковъ не по внутреннимъ ихъ достоинствамъ, а по виѣшнимъ условнымъ отличіямъ, которыя въ наше время уже потеряли свое значеніе, или по тому авторитету, какимъ пользуется чиновникъ въ губерніи, гдѣ общественное мнѣніе далеко еще не установилось».

Генераль (*подумавъ, Горитскому*). Я васъ прощаю и не хочу предать васъ въ руки правосудія, а желаю поднять васъ нравственно. Поймите это и исправьтесь. Можете идти.

Горитскій. Куда мнѣ идти? вверзи меня во тьму кромѣшную, да будетъ мнѣ тамъ плачь и скрежетъ зубовъ, но мнѣ легче то, чѣмъ видѣть семью мою, гладомъ сиѣдаемую и жаждой томимую.

Генераль. Безъ разсужденій; (*полиціймейстеру*) освободите его (*солдатъ развязываетъ Горитскаго*).

Горитскій. Что ты снимаешь съ меня мои оковы? не пойду я отсюда, яко не имамъ убѣжища нигдѣ, кромѣ острога. Чѣмъ мнѣ питать и себя и семью мою? Не выйду я отсюда.

Полиціймейстеръ. Ну, ну, не разговаривать; убирайся куда знаешь (*хочетъ повернуть Горитскаго и вытолкать*).

Громовъ. Остерегитесь, полковникъ! я никогда не сходился съ полиціей въ моихъ убѣжденіяхъ. Пальцемъ не смѣйте тронуть бѣднаго малютку, я его уведу. Allons, mon pauvre enfant. (*Уводитъ Горитскаго, полиціймейстеру*) Опричники!

Полиціймейстеръ (*въ слѣдъ имъ*). Съ земли бы стереть надобно эдакихъ ракалій.

Голосъ Горитскаго. Сами вы земля и въ землю обратитесь,—слышите ли, государи мои.

Голосъ Громова. Sacrement!

Полиціймейстеръ (*дежурному*). Эдакого вора и грубияна простилъ;—удивительно добрая душа!

Дежурный. Не начальникъ, а благодѣтель!

Если комедія гр. Соллогуба «Чиновникъ» возбудила эпергическую критику (мы говоримъ о статьѣ г. Павлова въ Русскомъ Вѣстникѣ), то комедія г. Иванова еще болѣе требуетъ вниманія критики. Въ ней вопросы захвачены глубоко; общество изображено не фантастическое, а дѣйствительное, предметомъ комедіи взята не частность, а всѣ губернскія офиціальныя и не офиціальныя отношенія; однимъ словомъ комедія имѣетъ огромное соціальное значеніе. Въ ней сосредоточены, въ художественныхъ образахъ, типы, которые слабо и часто безъ взгляда и мысли рисовались въ массахъ произведеній, принадлежащихъ къ такъ-называемой обличительной литературѣ.

При желаніи, комедія эта могла бы быть поставлена на сцену, хотя въ ней есть нѣкоторыя мѣста къ тому неудобныя.

Подобныя пьесы въ особенности должны быть ставлены на провинціалыныя сцены; тамъ театръ имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ въ столицахъ, гдѣ самыя разнообразныя столкновенія всѣхъ возможныхъ классовъ общества между собою, богатство (относительное) литературнаго матеріала, про-

никающаго во всѣ общественные слои, наибольшее развитіе, сравнительно съ провинціями, общественной жизни, все это способствуетъ распространенію и обобщенію идеи; въ провинціяхъ же, гдѣ индейское дѣленіе на касты существуетъ еще едва ли не во всей своей чистотѣ, гдѣ литературное движеніе отражается только на наиболѣе грамотныхъ классахъ и гдѣ театръ лишь сосредоточиваетъ на себѣ всю инициативу общественную, тамъ пьесы, въ родѣ комедіи г. Иванова, разбудить для добра много дремлющихъ, окаменѣлыхъ головъ и сердець... и честь эта будетъ принадлежать театру!... Разумѣется это возможно въ такомъ только случаѣ, если импресарио театра не будетъ ставить себя въ зависимость отъ какого-нибудь мѣстнаго любителя водевилей и мелодрамъ, а будетъ свободно располагать репертуаромъ. Мы бы желали, чтобы кто-нибудь откликнулся на нашу мысль о провинціалыныхъ театрахъ и сообщилъ бы намъ что-нибудь о характерѣ провинціалынаго репертуара въ разныхъ нашихъ городахъ, гдѣ есть театры. А еще болѣе остались бы довольны, если бы довелось получить извѣстіе о постановкѣ гдѣ-нибудь «Дикобраза».

А. Г.—ВЪ.

ЗАМѢТКА.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Въ 20 № Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника (1859 г.) помѣщена статья г. Ф. В.: *Характеристика современныхъ артистовъ с. п. п. с. в. р. и т. п.* Соглашаясь во многомъ съ авторомъ этой статьи, я пашель однако нѣкоторыя, по моему мнѣнію, недомолвки, которые и считаю обязанностью замѣтить, надѣясь, что редація не откажетъ мнѣ напечатать въ ея журналѣ, мои замѣчанія. Я не отвѣчалъ тотчасъ же по выходѣ статьи и поэтому, быть можетъ, взялся за перо нѣсколько поздно, но, принимая за правило всѣмъ извѣстную поговорку: «лучше поздно, чѣмъ никогда», думаю, что въ такомъ дѣлѣ, какъ оцѣнка игры артистовъ, всякое, хотя и *позднее слово*, не можетъ считаться лишнимъ.

Въ началѣ статьи г. Ф. В. говорится, что представляемые въ ней очерки игры нашихъ артистовъ не что иное, какъ силуэты; этимъ самымъ слѣдовательно отнимается всякая возможность требовать подробной оцѣнки, по вѣдъ и силуэты должны быть схожи съ оригиналомъ, всякая невѣрная черта часто уничтожаетъ все сходство и не даетъ понятія о цѣломъ оригиналѣ, а въ силуэтахъ г. Ф. В. можно найти упущеніе нѣкоторыхъ чертъ весьма характеристическихъ и такихъ, которые никакъ не могли быть опущены.

Говоря, напримѣръ, о г-жахъ Ситковыхъ, г. Ф. В. ничего не говоритъ о г-жѣ Ситковой 2-й и прямо переходитъ къ г-жѣ Ситковой 3-й, объ которой отзывается слѣдующимъ образомъ: *Особеннымъ талантомъ одарена г-жа Ситкова 3, лучшая ingénue, какую мы запомнимъ на нашей сценѣ. Въ пьесахъ: «Прежде Маменька», «Маменькина (въ оригиналѣ: Матушкина) дочка» и «Сынъ любви»,—она по-истинѣ неподражаема. Жаль только, что г-жа Ситкова 3-я является иногда въ сильныхъ драматическихъ роляхъ, для которыхъ талантъ ея еще не созрѣлъ, да и самый юлосъ еще слишкомъ слабъ и неразвитъ.*

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что Ф. А. Ситкова лучшая ingénue и что въ поименованныхъ пьесахъ она неподражаема,

я считаю необходимымъ къ этимъ ролямъ присоединить пьесы: «Владиміръ Заревскій», «Не всякому слуху вѣръ», «Страшный закладъ», «Предубѣжденіе», «Не въ деньгахъ счастье» «Браслетъ и прочее» и много другихъ пьесъ, въ которыхъ г-жа Сифткова 3-я выказываетъ во всемъ блескъ свой разнообразный талантъ и доказываетъ, что можетъ съ успѣхомъ занимать не одни только роли ingénue, но и роли посерьезиѣ, роли драматическія, по разумѣтся не слишкомъ сильныя. Правда, для драмы талантъ ея еще не совсѣмъ созрѣлъ, но тѣмъ не менѣе стоитъ вспомнить трудную роль Стеллы въ драмѣ того же названія и можно убѣдиться, что г-жа Сифткова 3-я, при развитіи своего обширнаго таланта, займетъ почетное мѣсто въ ряду первоклассныхъ драматическихъ актрисъ. Слѣдовательно, сказать, что ампула этой молодой артистки ingénue и что остальные роли не по ея силамъ, не совсѣмъ вѣрно. Всякая роль, даже самая безцвѣтная, выходитъ рельефна, если ее играетъ г-жа Сифткова 3-я, сказалъ я еще въ прошломъ году по поводу новой ея роли въ комедіи «Браслетъ и прочее» (Театр. и Музык. Вѣст. 1858 г. № 29) и теперь повторяю эту мысль, приводя въ доказательство комедію «Ворожба», въ которой г-жа Сифткова 3-я сумѣла сдѣлать изъ своей неблагодарной роли что-то такое, чему невольно симпатизируетъ зритель. Г-жа Сифткова 3-я артистка съ умомъ, выпкаетъ въ роль, обдумываетъ ее и живо воспроизводитъ личность. Въ ея игрѣ много простоты и нѣтъ рутины, столь вредной для всякаго артиста.

Что же касается до г-жи Сифтковой 2-й, объ которой г. Ф. В. совершенно умолчалъ, то я долженъ замѣтить, что она артистка чрезвычайно старательная и нѣкоторыми своими ролями доказала, что обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ; игра ея отличается естественностью, простотою и чужда афектаціи.

Лучшими ея ролями я считаю роли въ комедіяхъ: «Мппутное заблужденіе», «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», «Свадьба Кречинскаго», и въ водевиляхъ: «Ошибка», «Полковникъ старыхъ временъ», «Маленькія ласки» и др.

Переходя къ мужскимъ персонажамъ нашей драматической труппы, не могу согласиться съ г. Ф. В. въ томъ,

что роли повѣсь и молодыхъ людей не удиятся. Самойлову, потому что его игра недостаетъ живости и веселости. Лучшимъ опроверженіемъ этого можетъ служить комедія: «Житейская школа» (часть 2-я), въ которой г. Самойловъ неподражаемо хорошъ въ роли молодого человѣка; сколько игривости и веселости!

Г. Ф. В. говоритъ также, что изъ многихъ ролей, играныхъ г. М. Максимовымъ, можно выгодно отозваться только о роли канцеляриста въ комедіи «Окопировался», и вѣроятно забываетъ нѣсколько ролей, въ которыхъ г. М. Максимовъ очень недурепъ. Вспомнимъ слѣдующія пьесы: «Хоть тресни, а женись», въ которой г. М. Максимовъ исполняетъ съ неподдѣльнымъ комизмомъ роли двухъ философовъ различныхъ сектъ, «Харьковскій женихъ», «Чего на свѣтѣ не бываетъ», «Дѣвушка гусаръ», и наконецъ роль Лисицкаго въ комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», роль, которую онъ исполняетъ мастерски. Правда, г. М. Максимовъ рѣдко появляется на сценѣ и оттого мало знакомъ публикѣ, правда и то, что роли свѣтскихъ молодыхъ людей не по силамъ г. М. Максиму, но за-то роли кутиль, повѣсь и франтовъ средней руки исполняются имъ чрезвычайно удачно.

Дѣлаю послѣднюю замѣтку. Г. Ф. В. замѣчаетъ, что игра г. Яблочкина большею частью карикатурна. Если это отчасти и справедливо, то вина не въ игрѣ артиста, а въ тѣхъ роляхъ, которыя онъ по преимуществу занимаетъ и которыя требуютъ отъ исполнителя нѣкоторой комической утрировки. Г. Яблочкинъ талантливый, трудолюбивый артистъ, хорошо знакомый со сценою и многія роли исполняетъ безукоризненно, такъ напримѣръ роли: Горичева въ «Горѣ отъ ума» и Кроликова въ комедіи «Богатая невѣста».

Можно было бы еще сказать кое-что о гг. Бурдинѣ, Зубровѣ и Алексѣевѣ, но припоминая, что г. Ф. В. представилъ только силуэты, бросаю перо и ничего не дополняю къ оцѣнкѣ этихъ артистовъ, иначе можетъ выйти подробный разборъ, а не силуэты.

М. ФЕДОРОВЪ.

Въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, комиссіонера придворной пѣвческой капеллы и училища Императорскихъ театровъ, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ШКОЛА ДЛЯ СКРИПКИ,

на русскомъ языкѣ, соч. Роде, Билло и Крейцера. Третье исправленное изданіе съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ, съ присовокупленіемъ скрипичнаго грифа, по которому начинающій ясно видитъ, гдѣ и на какой именно струнѣ извлекаются всѣ тоны. Цѣна 3 р. сер.

ФОРТЕПИАННАЯ ШКОЛА

соч. Н. Крамера, въ которой изложены основанія музыки и ясно, въ избранныхъ примѣрахъ, представлены правила аппликатуры, съ присоединеніемъ многихъ пьесъ для упражненій и прелюдій во всѣхъ тонахъ и объясненія итальянскихъ техническихъ выраженій, на русскомъ языкѣ. Новое, исправленное и дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 50 к.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 27 Іюня 1859 года. Цензоръ А. Ярославцевъ.

Въ типографіи Гюпсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЪ.
Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.

Литогр. Р. Березагофа.

А. Е. МАРТЫНОВЪ,

Артистъ Императорскихъ С. Петербургскихъ Театровъ.

Собственность Издателя.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, у Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

*въ Большой Морской, въ домъ Лауферта
№ 27.*